

повесть-водевиль

ДВА СТАРЫХ МУРАВЬЯ

Александр Каневский
Два старых муравья

«Автор»

Каневский А. С.

Два старых муравья / А. С. Каневский — «Автор»,

Читатель может спросить, что это ж страшили жанр: повесть-водевиль?

Отвечу вопросом на вопрос: а почему нет? Ведь существует повесть-детектив, повесть-мелодрама, комедийная повесть, трагическая, эксцентрическая... Так почему повесть не может быть водевильной?..

© Каневский А. С.

© Автор

Содержание

Два старых муравья	6
Необходимое предисловие	7
*	8
**	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Каневский

Два старых муравья

© Александр Каневский, 2015.

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

Два старых муравья

(Повесть-водевиль)

Необходимое предисловие

Читатель может спросить, что это за странный жанр: повесть-водевиль? Отвечу вопросом на вопрос: а почему нет? Ведь существует повесть-детектив, повесть-мелодрама, комедийная повесть, трагическая, эксцентрическая... Так почему повесть не может быть водевильной?

Листаю словари: «Водевиль – это вид комедии, где диалоги и действие построены, как правило, на занимательной интриге, сочетаются с музыкой, песнями и танцами... Облегченная форма изложения... Драматические столкновения в комедийном плане... Импровизации на текущие злобы дня...»

Ещё раз проверяю: занимательная интрига в повести имеется, есть драматические столкновения в комедийном плане, и много забавных диалогов, и импровизации на текущие злобы дня тоже есть, и песни сопровождают всё действие, и даже один танец я сюда вставил. Все условия водевиля выполнены.

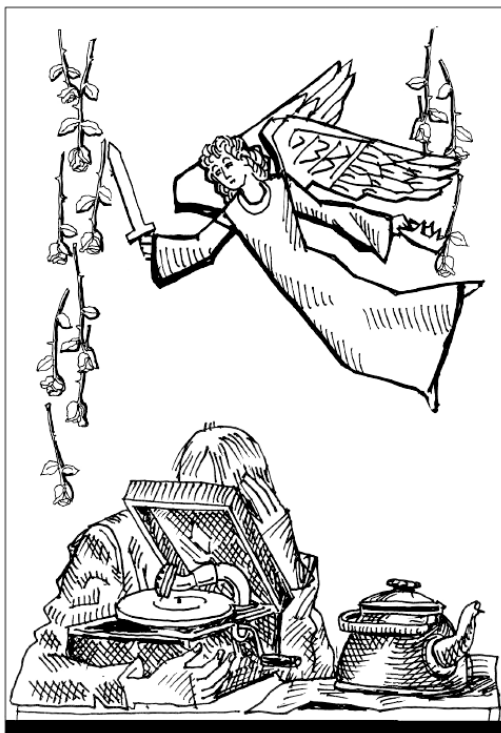
Спросите, а для чего это мне нужно? Отвечаю, снова цитируя словари: «Легкий характер содержания является отличительной чертой водевиля...» Вот ради этой спасительной фразы я и придумал этот жанр! Не поняли? Объясняю. Если будут претензии от критиков, что-нибудь вроде: «Перегруз нравоучений (или наоборот: недогруз)... Автор пытается философствовать (или наоборот: не пытается)... Очернение действительности (или наоборот: её лакировка)» – я даже не стану оправдываться, а просто разведу руками и с наивной улыбкой им отвечу, мол, что вы хотите – это же водевиль!

Вы меня поняли? Я очень рад. Переверните страницу и – приятного чтения!

Открыв обложку, читатель сразу окунётся в серую предрассветность, сквозь которую можно разглядеть Кремлёвские башни, Собор Василия Блаженного, высотное здание Университета, Останкинскую телебашню, разглядеть и решить, что это повествование начнётся на улицах и площадях Москвы.

Но когда наступившее утро сметёт с небесной скатерти уже ненужные звёзды, как крошки со стола после ужина, станет видно, что соборы, высотные здания, университет, телебашня – это всё макеты, которые расставлены на полках в квартире главного героя этой повести Сан Саныча Грибанова. (Друзья его называют Санычем, и я тоже буду так его называть.) Вот и получается, что наша повесть начнётся не на площадях Москвы, а в маленькой квартирке, однокомнатной, но с довольно просторной кухней, где сейчас и находится хозяин квартиры, в пижаме, в тапочках и в прескверном настроении. Быть может, из-за погоды. Уже месяц стоит изнуряющая жара, вокруг Москвы пожары, горят пересохшие леса и торфяники. Сквозь задраенное окно проникает запах гари, за стеклом – горячая пыль, перемешанная с пеплом, донесённым ветром из Подмосковья. Эта смесь раздражает горло, затрудняя дыхание и вызывая кашель. На тротуарах, на деревьях, на крышах – тоже слой пыли и копоти – порывы ветра сметают их и уносят вверх, в небо, почерневшее, как сковородка, которую давно пора отдраить и помыть, но нечем.

Москва безуспешно ждёт дождя. И Саныч тоже.

Он сидит на табуретке у стола, подперев голову ладонями, а рядом, на столе, стоит старый, потёртый патефон и, поддерживая настроение хозяина, поёт:

Играют там джазбаны,

*Танцуют обезьяны
И скалят искалеченные рты...
А я, больной и пьяный,
Сижусь у фортепьяно
И сыплю им в шампанское цветы...*

Входная дверь открывается (как потом выяснится, она никогда не бывает закрыта), входит Аркадий Сергеевич Арский, красивый, вальяжный, не в пример хозяину квартиры уже гладко выбритый и окутанный ароматом «Босса». Не здороваясь, проходит к столу, хлопает по нему ладонью – патефон замолкает. И только после этого обращается к Санычу.

– Не заходишь, не звонишь? Мобильник не отвечает! Телефон отключён!.. И, как говорят в Одессе, не надо на меня так молчать! Что случилось?

– Душа покоя просит.

– А воблы? А пива? – вынул из целлофанового пакета большую рыбину и две банки пива. – Доставай масло.

– Нету.

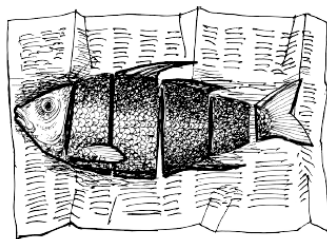
– А лучок?

– Тоже нет.

– У тебя же всегда был забит холодильник.

– И сейчас забит. Гвоздями. Пока Дэзи была жива, покупал ей, покупал себе, а теперь... Питаюсь в кафе.

– Ладно, обойдёмся. – Аркадий Сергеевич вскрыл банки, разорвал рыбину пополам, протянул половину Сан Санычу. – Ну, с добрым утром!.. – чокнулись банками. – Как воблочка?

Саныч, наконец, улыбнулся.

– Класс!.. – И тут же подавился костью. – О, чёрт!.. Чёрт!..

Арский схватил со стола засохшую корку хлеба и протянул Санычу.

– На, протолкни!.. Сколько я тебя знаю, всё время давишься костью. Чего спешишь?

– Чтоб ты не отобрал. Фу-у-у, проскочило. Знаешь, как я умру? Подавлюсь костью и некому будет подать мне корку хлеба.

Арский несколько секунд внимательно смотрит на него. Потом садится рядом на табуретку.

– Ты в трансе? – Не дождавшись ответа, взял его за плечи и встряхнул. – Что случилось?

– Ничего особенного, просто меня выпроваживают на пенсию.

– Всего-то?.. А ты не соглашайся. Можно жаловаться.

– На что? Они и так терпели меня лишние годы. И потом, всё очень пристойно, деликатно: «Вам уже, наверное, тяжело?.. Ваши ученики продолжают ваше дело. Вы были и останетесь лучшим макетчиком в Москве...» К медали представили, провода готовят.

– Ну и плюнь! Своё дело откроешь – к тебе все их заказчики перебегут.

– Какой из меня бизнесмен! Да и их тоже можно понять – сегодня уже другой темп, другой объём, я не успеваю. Да и рука у меня уже не та.

Саныч хлопнул ладонью по столу – и патефон продолжил прерванную песню:

*...И тогда с потухшей ёлки
Тихо спрыгнул ангел жёлтый
И сказал: «Маэстро бедный,
Вы устали, вы больны...»*

Арский в сердцах тоже хлопнул по столу – патефон умолк.

– Почему не купишь магнитофон?.. Возишься с этим ископаемым!

– Он со мной весь Афган прошёл, ты же знаешь.

А до этого – с батей, от Сталинграда до Берлина.

– Ну, и всё: отработал своё – пора на пенсию.

– Вот и они мне так говорят. Арский смутился.

– Извини!

– Он у меня – член семьи. Будем доживать вдвоём, два пенсионера.

– Нет, я тебе не дам стать раком-отшельником! – Аркадий Сергеевич решительно поднялся с табуретки, раздёрнул шторы на окне, включил вилку телефона в розетку. – Кофе у тебя есть?

– Растворимый.

– Угости.

– Пожалуйста.

Саныч достал банку, всыпал кофе в стакан, потом открыл кран и наполнил стакан водой.

Арский в ужасе:

– Что ты делаешь?

– Ты же просил кофе.

– Из-под крана?!

– А что? Вода чистая, горячая. Я себе всегда так готовлю.

– А из лужи не пробовал?.. Где у тебя чайник? – взял со стола чайник, налил в него воду, включил. Прислушался. – Кажется, телефон?

Саныч с насмешкой:

– Через два этажа слышишь?

– Ты прав, показалось.

В голосе Саныча насмешка сменилась сочувствием.

– Молчит телефон?

– Молчит, – грустно подтвердил Аркадий Сергеевич. – уже вторую неделю, как ушёл я из института – он будто онемел.

– А чего ты поссорился с ректором?

– Завалил на вступительных экзаменах одного полного идиота, который оказался племянником нашего главного спонсора. Тупой, малограмотный, но наглый. Ректор уговаривал его принять, я отказался. Кончилось скандалом. Уходя, я пообещал поздравить его, когда они выдут на первое место по выпуску бездарностей...

Резкий звонок прервал Арского. Саныч подошёл к телефону.

– Наверняка, опять по поводу обмена. Послушай, чего только не предлагают. Я включил громкость. – Снял трубку. – Алло, кто это?

Из трубки вырвался женский голос:

– Я по обмену, из Сочи. Сколько у вас метров?

– Жилой площади – двадцать пять, всего – сорок четыре. – А у вас?

– Достаточно. Дом панельный?

– Кирпичный. А у вас?

– Крепкий.

- Простите, но вы не ответили, сколько у вас метров?
- Вам хватит. Балкон имеется?
- Лоджия. А у вас?
- Балкона нет, но зато есть окно.
- А разве бывают дома без окон?
- У нас междугородний разговор, я не намерена оплачивать ваши шуточки, – возмутился голос.
- Вы согласны меняться? Да или нет?
- Но я до сих пор не знаю, сколько у вас метров?
- А сколько вам надо?
- Я же писал в объявлении: мне нужна равноценная площадь.
- Зачем вам столько?
- Простите, но это уже моё дело. Сколько у вас метров?
- Почти двадцать.
- Что значит почти? Пожалуйста, точнее.
- Около пятнадцати. Но зато напротив стадион.
- А причём здесь стадион?
- Там можно зарядку делать.
- Я не делаю зарядку. Ещё раз спрашиваю: сколько у вас метров?
- Шестнадцать.
- Жилой площади?
- Общей. Жилой – восемь. Но зато со стенным шкафом.
- Мне не нужен шкаф. Мне нужна комната.
- Стенной шкаф лучше, чем комната – за него платить не надо. А туда раскладушка влазит, там спать можно.
- Я не хочу спать в шкафу.
- Арский хохочет. Саныч кладёт трубку.
- Вот так все дни. Чего только не предлагали: и комнату в тихом семейном общежитии, и полуподвал, но с двумя гаражами, и...
- Арский прерывает его.
- Ты и в правду решил уезжать?
- А сколько ещё тянуть? Жены нет, собака умерла.
- А там – дочь, внучка, море и солнце – просто рай!
- А я? На старости лет расставаться?
- Поехали со мной, ведь ты уже не служишь. Откроешь свой театр, народ к тебе набегит
- ведь ты столичная штучка, Заслуженный артист!..
- Нет, на службе или без службы, я из моей Москвы никуда не двинусь.

– А ты уверен, что это ещё твоя Москва?.. Улицы переименованы, старые здания снесены или проданы под офисы, рестораны и ночные клубы... И истинных москвичей почти не осталось – они все уже или за пределами города или в других странах. Выйди на улицу, посмотри на лица: ощущение, что ты где-то в Средней Азии, на Кавказе, или в Китае... Нет, я ничего не имею против этих людей, большинство из них приехали честно трудиться и зарабатывать на жизнь, но... Ведь лица жителей – это коллективное лицо города. Так что это, конечно, Москва, но уже не твоя!.. Изменилось всё: и архитектура, и население, и образ жизни, и, главное, ритм, сумасшедший ритм, который могут выдержать только молодые. Москва для них, это их город, их время. А мы уже балласт, ракушки на дне большого судна.

Аркадий Сергеевич замахал руками.

– Кончай трёп!.. – Указывает на расставленные макеты. – Ты ведь в этом городе каждый дом к груди прижимал, каждую церквушку ладонями гладил!.. Пройдёт хандра, и передумаешь, как в прошлом году, как в позапрошлом...

– Нет, Аркадий, уже не передумаю. – Саныч снова уселся на табуретке. Помолчал. Потом вдруг сообщил. – Сегодня мне приснился Кутузов.

– Кто-кто?

– Фельдмаршал Кутузов... Увидел меня, подошёл и говорит: «Москву надо покидать».

– А Суворов тебе не снился? Не звал перевалить через Альпы?..

Слушая рассказ Саныча, я ему невольно позавидовал: почему мне никогда не снились выдающиеся личности?.. Правда, однажды, ещё в школьные годы, приснился Сирано де Бержерак – он читал стихи у памятника Маяковскому. Хорошо читал, все хлопали, я больше всех: я ему всегда симпатизировал, наверное, потому, что у меня тоже большой нос... Впрочем, ладно, это лирическое отступление – продолжаю повествование...

– О, кипит! – Арский выключил чайник. – Я раньше только читал про Иванушку-дурачка, а теперь знаю, как он выглядит... – Налил в стакан кипяток. И вдруг заорал так, будто ему этот кипяток плеснули на ноги. – Почему рис?!. Что у тебя было в чайнике?

– Я в нём суп варил – у меня все кастрюли сгорели.

Арский в сердцах отставил стакан.

– Ты прав, тебе надо скорей в семью, а то совсем одичаешь!

Пошёл к выходу. Саныч попытался его остановить.

– Аркадий! погоди! Я сейчас вскипячу другую воду.

– В чём? – крикнул Арский, не оглядываясь. – В сковороде?

Вышел, хлопнув дверью. От удара двери включился патефон:

Я больной и старый клоун...

Хозяин дал ему пинка.

– Не ной! – патефон замолчал. Саныч отпил из оставленного Арским стакана – Чего ему с рисом не нравится? И вкусно, и сытно.

Входная дверь хлопнула – входит Гиви, сосед по лестничной площадке. Несёт завернутую в целлофан картину в раме.

– Саныч, можно, я у вас сегодня опять переночую?

– Твоя постель тебя ждёт. Снова гости?

– Это уже не гости – это нашествие! Дядя Реваз с детьми, дядя Леван с женой и тётя НАТО со своей мамой-долгожительницей.

– На какой срок?

– Дяди продадут мимозу и уедут, а долгожительница надолго. У меня уже не квартира, а казарма: двухъярусные койки, откидные полки, как в вагоне... Всё равно не хватает места. Хотел у Ерёменко переночевать, так у него тоже полный дом племянников из Чернигова.

– Ладно, не переживай. Мы жили втроём в десятиметровой комнате, в коммуналке, и у нас тоже было полно гостей. Ничего – размещались.

– Но вам не приходилось писать картины в туалете. – Прислонил картину к стенке – Пусть постоит до завтра.

– А что завтра?

– На выставку.

– Как называется твоя картина?

– «Бьют клоуна».

– Почему ты всё время рисуешь клоунов?

– С каждым годом мы всё дальше уходим от нашего детства – я хочу напоминать о нём.

– А почему твои картины не покупают? Я знаю, что они многим нравятся.

– Те, кому нравятся, не имеют денег. А те, кто имеют, покупают не картины, а имена.

А у меня нет имени.

– К сожалению, ты прав. – Секунду подумав, Саныч изрёк. – Нужен скандал, чтоб тебя заметили.

– Я ещё не дорос до скандала, – грустно произнёс Гиви.

– А как на это реагирует Вера?

– Никак не реагирует – её же не бывает дома, она участвует в предвыборной компании своего шефа. Слова новые появились: рейтинг, маркетинг, имидж...

– Но ночевать-то она приходит?

– Уже нет: она переехала к своей маме. Мы поссорились.

– Почему?

– Она не хочет иметь детей.

– Ещё бы хотеть! Когда половина Грузии лежит рядом и наблюдает. Кстати, почему ты сбрил усы?

– Чтоб занимать меньше места. Зазвонил телефон.

Гиви, который стоял возле телефона, снял трубку, секунду послушал, потом протянул её Санычу.

– Какая-то дама.

Ушёл. Саныч взяв трубку, услышал:

– Это Приходько, из станицы Кочановской. Я была у сына в Москве, читала ваше объявление. Так вот, предлагаю: у нас в станице каменный дом, под железной крышей, сад, огород и два сарая.

Саныч, не сдержавшись, закричал:

– Вы что, издеваетесь? Причём тут ваша станица?

Мне нужно в Сочи!

– Господи, делов-то! От нас в сорока километрах железная дорога – через десять часов вы в Сочи!

Саныч в сердцах бросил трубку.

– Совсем обалдели! – Услышав звонок во входную дверь. – Открыто!

Вошла модно причёсанная, умело подкрашенная женщина, уже в возрасте, но ещё не сошедшая с боевой тропы. На плече у неё дорожная сумка, в руках – вазон с кактусом.

– Здравствуйте.

Саныч подозрительно смотрит на неё.

– Кто вы?

– Меня зовут Полина Ивановна. Я насчёт обмена. Он всё ещё возбуждён после звонка из станицы:

– Что вы мне предлагаете? Донбасс или Зауралье? Полина Ивановна удивлённо:

– Вам же нужен Сочи?.. Вот я и...

Саныч, поняв свою бестактность, поспешно остановил её.

– Простите!.. Просто меня уже достали со всякими дурацкими предложениями... Пожалуйста, смотрите.

Полина Ивановна входит в комнату, осматривает её.

– Сколько в ней метров?

– Двадцать пять.

– А кажется меньше.

– Потому что не убрано. А ещё лоджия восемь метров, застеклить – вторая комната.

– Туалетик крохотный.

– Нормальный туалет, человека четыре помещаются стоя.

Вернулись в кухню.

– Вот кухня у вас неплохая.

– Ещё бы! Десять метров. Не кухня, а зал приёмов!..

А район какой: и центр, и тишина.

– А что там за грохот?

– Это автобусы. Но они быстро проскакивают.

Снова зазвенел телефон. Саныч настороженно взял трубку и услышал:

– Папка, это я.

Его лицо осветилось радостной улыбкой.

– Наташка! Здравствуй, родная!

– Папка, гениальный вариант! Напротив нас, отдельный домик, две комнаты, сад, веранда...

– О чём ты?

– О чём, о чём? Об обмене. Володина сослуживица. Сегодня отправляется в Москву, будет смотреть твою хату. Ты уж наведи марафет! О таком варианте можно только мечтать: и с нами, и независим. Ну, что, рад?

– Здорово!

– Только бы не сорвалось. Ты её приголубь, свою обменщицу, постарайся подружиться. Всё. Целую. Действуй. Ждём!

Пока он говорил по телефону, Полина Ивановна ещё раз осмотрела квартиру. Когда он положил трубку, сообщила:

– Что ж... Мне подходит. Но хозяин её огорчил.

– Я вынужден вам отказать: у меня есть лучшее предложение.

– Но вы же не знаете, что у меня.

– Появился идеальный вариант, лучшего не надо.

– Жаль. А вашей дочери понравилось.

– А причём здесь моя дочь? – Сперва с недоумением смотрит на неё, потом начинает понимать. – Значит... это вы?.. Не думал, что вы так быстро.

– А я самолётом.

– Очень рад! Здравствуйте. – Полина Ивановна перекладывает кактус из правой руки в левую и пожимает ему руку. – Да поставьте вы его. – Забирает у неё вазон. – Какой большой огурец.

– Осторожней!.. Это кактус. Я его десять лет выводила. Он без колючек.

– А зачем такой, бритый?

– Он холодоустойчив. Буду культивировать в Москве. Саныч удивлённо поднял брови.

– Кактусы?

– Не только. И кипарисы, и олеандры... В Москве уже прекрасно прижились каштаны. Ведь Москва – это не город, это – страна. – Она заговорила горячо, с воодушевлением, видно было, что это её любимая тема. – Сколько здесь ежедневно бывает народу, и москвичей, и из области, и туристов, и командированных?..

– Официально, миллионов двенадцать, а фактически, думаю, перевалило далеко за пятнадцать.

– Вот! Швейцария – семь миллионов, Швеция – девять, Португалия – одиннадцать... Насколько Москва их больше! И, как в любой стране, здесь есть юг, север, запад, восток. Надо чтобы эти районы отличались не только архитектурой, но и флорой и фауной. Я всю жизнь занималась культивированием южных растений в северных районах. Для этого ваша мэрия меня и пригласила!

Он слушал её с нескрываемым интересом.

– Вы садовник?

– Инженер-озеленитель и... – Она остановилась. – Да, одно условие. У меня во дворе живёт курица. Ей уже много лет, я купила её цыплёнком. Перевозить её в городскую квартиру

нелепо, да и вредно это ей: перемена климата. Поэтому обещайте, что вы её не выгоните и будете держать до конца жизни.

– Моей жизни?

– Конечно, её. Зерном я вас обеспечу. – Увидев, что он смеётся, резко поднялась с табуретки. – Если не согласны, вариант не состоится.

Саныч усаживает её на место.

– Согласен, согласен, раз вы с ней так дружите.

Полина Ивановна, чувствуя его иронию, пытается объяснить.

– Я много разъезжала. Возвращаться в пустой дом грустно. Человека кто-то должен ждать. Я знала, что она меня ждёт. В моё отсутствие её кормили соседи. Она – моя семья.

– Вы – старая дева? – вдруг ляпнул Саныч и тут же спохватился. – Простите, слово старая вам не подходит. Как бы это спросить... Вы – дева?.. Тьфу, опять не так!..

Но она не обиделась и спокойно продолжала.

– Я была замужем. Недолго, всего полгода. Потом мы с мужем расстались. С тех пор я ушла в науку и живу одна.

– С курицей?

– Да, с курицей.

Он попытался быть максимально деликатным:

– А... цыплята у вас есть?

– Мы обе отказались от личной жизни... Можно, я опробую ваш чайник?

– Не понял.

– Вскипачу себе чай. Саныч всплеснул руками.

– Ой, простите!.. Конечно!.. – Видя, что она взяла чайник, бросился к ней. – Нет, нет, я сам. – Подставил чайник под струю, чтобы вымыть из него остатки риса. – Вы же с самолёта, ещё не завтракали!.. Сейчас, сейчас.

Открыл холодильник – там пусто. Гостя пытается его притормозить.

– Да не беспокойтесь, я не голодна.

– Нет, нет! Наш обмен надо отметить.

Заглянул в шкафчик, там тоже пусто, только почемуто стоит пара туфель.

– Да не суетитесь вы! Я хочу просто чай.

– Чаем тут не обойтись. Сейчас всё будет. – Подошёл к телефону, набрал номер. – Гиви, есть роскошная закуска, нужно хорошее вино. Три бутылки? Конечно, хватит. Приноси.

Полина Ивановна улыбнулась.

– Роскошная закуска – это ваши туфли?

– Потерпите. – Набрал следующий номер. – Аркадий, есть роскошное вино, три бутылки, нужна хорошая закуска. Так, так... Копчёную приноси. И консервы тоже. – Положил трубку. – Сейчас будет большой банкет!

Полина Ивановна снова улыбнулась.

– А вы – авантюрист!

– Жизнь заставляет.

Хлопнула входная дверь, вошёл Гиви с тремя бутылками в руках. Не замечая гостью, застонал.

– Саныч, я застрелюсь. – Увидев Полину Ивановну, вполголоса спросил. – И у тебя гости?

– Знакомься, это твоя будущая соседка Полина Ивановна. А это Гиви, содержатель частного пансионата «Грузия». Что случилось?

– Только что из Домодедова позвонили два двоюродных племянника дяди Амира – они едут ко мне. Я выброшусь в окно.

Полина Ивановна с удивлением спросила, почему он так не любит своих родственников.

– Каких родственников! – взорвался Гиви. – Я их в глаза не видел! У меня уже стать негде, не то, что лечь!

– А вы их отправляйте на дачу. У вас есть дача?

– У меня высшее образование, – ответил Гиви, и Полина Ивановна понимающе вздохнула.

– Не паникуй, я тебе дам гамак, повесишь его между нарами, – успокоил его Саныч. Потом повернулся к гостю. – Даже если б у него была дача... – Развёл руками, пояснил. – Подмосковье горит, двадцать дней жара, дым, гарь, пепел... До Москвы долетает.

– Почему же не гасят?

– Трудно: горят не только деревья, но и торфяники, а они под землёй, их шлангом не погасишь, нужен дождь, причём, не просто дождь – ливень!

Вошёл Арский. В одной руке гитара, в другой – пакет с продуктами.

– Если у тебя и вино с рисом – я уношу всё обратно. Гиви воспринял это в свой адрес и обиделся.

– «Цинандали»!.. Прямо из Грузии!

Саныч назвал Арскому имя-отчество своей гостии, затем голосом провинциального конферансье представил его Полине Ивановне:

– Заслуженный артист России Аркадий Сергеевич Арский.

Тот по-гусарски щёлкнул каблуками и галантно поцеловал ей руку. Полина Ивановна с нескрываемым интересом рассматривала его.

– Вы, действительно, артист?

– Да. Вас это удивляет?

– Я считала, что артисты и в домашних условиях отличаются от остальных людей. А вы – нормальный мужчина.

– Это только кажется, что он нормальный, – вставил Саныч. Но Арский не отреагировал – он, как боевой конь, уже забил копытом и продолжил производить впечатление. С неотразимой улыбкой сообщил Полине Ивановне:

– Артисты – те же люди, только они больше тратят. – Повернулся к Санычу. – Где ты берёшь таких очаровательно – наивных женщин?

– Учтите, – предупредил гостью Саныч, – это первый обольститель столицы, гроза мужей и кумир всех московских красавиц.

– Бывший кумир и бывшая гроза. Но с вами, действительно, сразу хочется флиртовать.

– Простите, но у меня уже не те силы.

– А у меня уже не те слабости. Поэтому будем просто друзьями. – Снова щёлкает каблуками и целует ей руку.

Наблюдая за ним, я невольно вспомнил афоризм Юлиана Тувима, замечательного польского остроумца: «Мужчина долго остаётся под впечатлением, которое он произвёл на женщину».

– Кончай сольное выступление, – потребовал Саныч, – накрывай на стол.

– Я накрою, – предложил Гиви, и стал вынимать продукты из пакета.

Саныч сообщил другу, что Полина Ивановна – его обменница, и что у них всё решено, – Как? Уже?

Аркадий Сергеевич, сник и помрачнел. Потом обратился к Полине Ивановне.

– Неужели вам нравится эта халупа?.. Низкие потолки, тонкие стены. Я живу на два этажа ниже, но когда он читает газету, я звоню и прошу: «Прекрати шуршать!».

– Не поможет, Аркадий. Мы завтра начинаем всё оформлять.

Арский окончательно расстроился.

– Это ужасно, я всё ещё не верю. – Повернулся к Полине Ивановне. – Дружим уже более тридцати лет, вместе в десанниках, вместе Афган прошли. Специально съехались в один дом, каждый день вместе, полжизни вместе...

Взял гитару, прошёлся пальцами по струнам и пропел:

*Два старых муравья
Не могут друг без друга...*

– Что это за песня? – спросила Полина Ивановна.

– Из какого-то мультика. – Продолжил:

*Два старых муравья
Не могут друг без друга...*

Саныч улыбнулся и подхватил:

*Два старых муравья,
И нет у них подруги.*

Теперь они уже пели оба:

*Два старых муравья,
Два старых муравья —
Это уже семья!*

Полина Ивановна захлопала в ладоши.

– У вас замечательно получается! Аркадий Сергеевич снова погрузился.

– За столько лет – спелись.

– Прошу к столу, – пригласил Гиви. – Всё очень вкусное, только огурец горький.

Саныч вздрогнул, потом взял себя в руки и спокойно спросил:

– Аркадий, у тебя валидол с собой?

– Да, – удивлённо ответил Арский.

– Достань его.

– Зачем? Тебе плохо?

– Мне хорошо... А вот Полине Ивановне сейчас будет дурно: Гиви её кактус нарезал.

Наступила немая сцена. Все сочувственно, в тревожном ожидании, смотрели на Полину Ивановну. Она обвела взглядом их напряжённые лица и вдруг начала хохотать. Захлёбываясь от смеха, приговаривала:

– Ой, не могу!.. Ой, какие у вас глупые лица!.. Вы думаете, у меня единственный экземпляр?.. Десять лет выводила, а потом взяла и съела?.. Ой, не могу!.. Ой, вы смешные!.. Ха-ха-ха!..

Она смеялась очень заразительно, поэтому все тоже начали хохотать.

Теперь, когда я познакомил вас с главными героями этой истории, действие начнёт развиваться быстрее. Только пару дней ещё дадим Санычу и Полине Ивановне позаниматься обменом, но только самим, без нас – я терпеть не могу ходить по бюрократическим инстанциям, думаю, вы тоже. А вот сейчас, когда они гуляют по парку, я предлагаю к ним незаметно присоединиться.

По набережной идут Арский, Гиви и Саныч. Арский – в спортивном костюме и кроссовках. Саныч и Гиви – в тонких футболках. Несмотря на близость воды и тень от деревьев, пыль и гарь уже успели осесть на их лицах, и футболки пропотели. Гиви несёт две удочки, Саныч – патефон.

Они проходят мимо беседующих на скамейке двух пенсионерок, которых пасут своих внуков. Внукам лет по пять, один – рыжий и кудрявый, второй обстрижен, как новобранец.

Поравнявшись с ними, друзья слышат их разговор.

– Давай играть в телевизор, – предлагает рыжик.

– А как это? – спрашивает стриженный.

– Включим какой-нибудь сериал и будем друг друга убивать.

Услышав это, Саныч, улыбаясь, спросил у Арского:

– А ты ещё помнишь, во что мы играли в их возрасте?

– Конечно, помню. В жмурки, в догонялки, в сыщики и воры...

– Видишь, как устарели наши игры.

– Ты не прав: в сыщики и воры по сей день играют, только уже взрослые... О! Это моя стартовая скамейка, – объявил Арский и рванул вперёд по набережной.

Глядя ему вслед, Гиви отметил:

– Хорошо бежит. И каждый день увеличивает по сто метров, в такую жару... Как у него хватает сил так далеко бежать!

– Главное, чтобы хватило сил вернуться, – съехидничал Саныч.

Они пошли дальше в поисках удобного места для рыбалки.

Через метров пятьдесят, Гиви подошёл к парапету, заглянул за него.

– В прошлый раз у меня здесь хорошо клевало.

– Здесь так здесь.

Саныч поставил на парапет патефон, открыл и дал ему пинка. Забросили удочки. Из патефона зазвучала песня:

Может быть, он некрасивый —

Может быть!

Может, слишком молчаливый —

Может быть!

– Вера не появлялась?

Гиви грустно покачал головой. Патефон, не щадя Гиви, продолжил:

Говорят, не те манеры —

Может быть!

Есть получше кавалеры —

Может быть!

Саныч пинком тормознул патефон.

– А что с картиной?

Гиви безнадежно махнул рукой.

– Повесили в самом темном углу, к ней никто не подходит. Так и повесит незамеченной.

– Неужели нельзя договориться, чтоб её повесили где-нибудь на виду?

– За это надо дать на лапу организаторам выставки, а у меня нет таких денег.

– Очень важно подняться на первую ступеньку, чтоб тебя заметили. Особенно в искусстве. У многих полжизни уходит на это. Я подумаю, как тебя подсадить на эту ступеньку.

Трусцой возвращается Арский. Спортивная куртка пропотела насквозь, на лице капли пота.

– Надеюсь, согрелся? – поиздевался Саныч.

– Есть важная новость. Хотел прийти к тебе вечером, с бутылкой, но не терпится... Поймал свою золотую рыбку?

– Все золотые рыбки уже выловлены и зажарены – поэтому и чудеса кончились.

– Неправда! – победно воскликнул Аркадий Сергеевич. – Чудеса продолжаются: меня вызвали в институт и извинились. Я снова на службе – продолжаю набирать курс. И телефон опять звонит без перерыва.

– Поздравляю!.. Значит, у тебя начинается новая жизнь? – Саныч искренне пожал ему руку. – А у меня кончается старая: вчера мы оформили документы.

– Так быстро? Мне говорили, что сейчас напрямую обменяться нельзя, надо как-то хитрить и это длится месяцами.

– Как видишь, можно и побыстрей. Только дороже стоит.

– Взятки давал?

– Конечно. А в твоей Москве сегодня можно что-то сделать без взяток? На всё свой тариф... Там есть специальный человек, который нас встретил и откровенно сообщил величину взятки за ускоренное оформление каждой процедуры: за обмен, за куплю, за продажу... Мы платили по максимуму, поэтому времени потратили минимум.

– И тебе не стыдно?

– Стыдно. Но ещё стыднее было бы месяц ходить по инстанциям, и добывать кучу ненужных бумаг. А так я себе сэкономил целую неделю на прощание с Москвой.

– Всего неделю?

– А чего тянуть!

Помрачневший Арский толчком отодвинул патефон и уселся на парапет, рядом с Санычем. От толчка, патефон встрепенулся и продолжил песню:

*Но люблю его такого,
И не надо мне другого...*

Арский хлопнул его ладонью и прервал песню.

– Да выбрось ты эту рухлядь!

– Повторяю: патефон не рухлядь, а мой старый боевой товарищ. Ты тоже рухлядь, так что, и тебя выбросить?

Обиженный Арский спрыгнул с парапета, чтобы уйти.

– Ладно, продолжай! К счастью, мне уже недолго терпеть!

Саныч остановил его.

– Прости, думаешь, мне легко – нервы натянуты... – Аркадий Сергеевич снова уселся на парапете. – Дети знают о твоём возвращении в институт?

– Нет. Но их это и не очень интересует.

– Ты у них бываешь?

– Редко. Не могу отделаться от чувства, что я им нужен только для интерьера: они коллекционируют старину, и моя седина очень подходит к их канделябрам... И потом зять раздражает: всё время учит надгробные речи – он главный организатор похорон, любит своих сотрудников в гробу. Особенно обожает хоронить известных деятелей науки, искусства... Он так самоутверждается!

На скамейке, где сидят две бабушки-пенсионерки, идёт беседа на эту же наболевшую тему.

– С внуками мне хорошо, – говорит одна другой, – они меня слушаются. А дочке, что не скажу – не нравится. И сыну тоже... С детьми трудно.

– Надо рожать сразу внуков, – заключает вторая.

И как бы продолжая эту тему, Саныч спросил у друга:

– Ну, а внучка? Ты же с ней дружил.

Вспоминаю, как после войны мы жили в Киеве, в коммунальной квартире с двумя соседками. Одна из них, старушка Анна Павловна, считала себя непререкаемым авторитетом в семейных отношениях, потому что у неё было четыре мужа, которые от неё удрали вместе с детьми. Если между моей мамой и бабушкой возникал конфликт, она зазывала бабушку к себе, поила чаем и успокаивала:

– Зарубите себе на носу, голубушка: даже самые хорошие дети – большие сволочи.

Но прошу запомнить: это не моё высказывание, это говорила Анна Павловна.

– Дружил, пока не выросла. Она уже Таниного роста и комплекции – носят одни и те же вещи. Вместе бегают по магазинам, скупают тряпки, ценности... А по ночам она проводит время в ночных клубах, в том числе, и в стриптизных... – Помолчал и продолжил. – Моя

покойная жена в нашу первую брачную ночь, ей тогда было уже девятнадцать, звонила маме по телефону и спрашивала, как себя вести с мужем в постели... А сегодня дочери дают советы мамам.

Снова грустно замолчал. Саньч попытался сгладить ситуацию.

– Это то, о чём я тебе говорил: время уже не наше, другие нравы, другие отношения и приоритеты. Вспомни, как раздобыв по благу дефицитную копчёную рыбу, можно было приехать к другу, без предварительного звонка, даже поздним вечером – и друг радовался твоему приходу, вскакивал с постели и под эту закуску ставил на стол бутылку «Столичной» или самогона... И мы не говорили о делах, не просили о протекции, а просто радовались общению... А сейчас, если ко мне вдруг приходит какой-нибудь мой однокашник, то только затем, чтобы я для него что-то сделал, кому-то позвонил, куда-то устроил...

Арский уже пожалел, что затеял этот разговор, и попытался снять напряжение:

– Я же к тебе по-прежнему прихожу без звонка и с копчёной рыбой!

Но Саньч даже не улыбнулся.

– погоди, я серьёзно. Ведь мы – выкидыши двадцатого века. Мы ещё верим в бескорыстие, в дружбу, в идеалы... Я был так счастлив, когда купил свою нынешнюю квартиру, а сейчас иногда ловлю себя на том, что с нежностью вспоминаю своих соседей по коммуналке, шумных, крикливых, порой надоедливых, бестактных, но всегда бросавшихся на помощь... Сегодня у нас у всех отдельные квартиры, но и отдельная жизнь – я до сих пор не знаю половины жильцов нашего дома, уверен, и ты тоже. Испытание благополучием, одно из самых трудных – не каждый его выдерживает. В небольших городах связь между людьми ещё как-то сохранилась, а вот в таких монстрах, как Москва...

– Стоп, стоп!.. Друзья явно забыли, что они герои водевиля, и затеяли чересчур серьёзный разговор на весьма болезненную тему.

Пора возвращать их кн ашему жанру – впускаю в повесть типично водевильный персонаж.

Арский не успел ответить Саньчу – из-за кустов к нему коршуном бросилась яркая девица «со взором горящим».

– Вы ничего во мне не увидели? Ничего?.. А я талантлива! Я всё могу! Вот, это Вознесенский – Стала в позу и продекламировала: – «Бей, женщина! Бей, мстящая!..» И петь умею! – Затянула. – «По диким степям Забайкалья...» – И танцевать! – Лихо отбила на асфальте несколько чётких па. – У меня разряд по акробатике! – Перекувыркнулась в кульбите. – Я два года занималась пантомимой! – Набросила невидимое лассо на Гиви и потащила его к себе, настолько достоверно, что Гиви чуть не свалился с парашюта. – Решила стать актрисой и буду, буду!..

Зарыдала.

Мужчины молчали, ошарашенные. Паузу прервал Гиви:

– Аркадий Сергеевич, не знаю, как другие роли, но бешеных грузинских старух она играть может.

Все рассмеялись, и напряжение спало.

– Как вы узнали, что я здесь? – спросил Арский.

– Бежала за вами от подъезда.

– Фамилия?

– Заремба. Третий год подряд поступаю. На взятку у меня денег нет, и блата нет. Поэтому сквозь ваши отборочные туры не прорваться!..

– У меня пятьсот заявлений на пятнадцать мест – как прикажете поступать?

– Присматриваться к каждому, а не устраивать конвейер. – Копирует Арского. – «Прозу, пожалуйста. Спасибо, деточка. Басню, пожалуйста. Спасибо, деточка. Теперь, спойте что-нибудь. Достаточно. Можете идти, деточка».

Она очень похоже изобразила Арского, поэтому все рассмеялись. В этот момент появилась Вера. При виде её лицо Гиви осветилось счастливой улыбкой.

– Вера! Здравствуй! Как я рад! Но Вера обожгла его холодом.

– Если бы знала, что ты здесь – не пришла бы.

Гиви сник, грустно смотал удочку и поспешно ушёл. Арский укоризненно посмотрел на Веру и попытался что-то сказать, но та жестом остановила его – её волновало совсем не это. Она повернулась к Санычу и спросила:

– Так это правда, что вы уезжаете?.. Гиви мне позвонил, я не поверила, решила, домой заманивает.

– Правда, Верочка. Через неделю.

– А как же я без вас? – Она с искренним недоумением смотрела на него. – Полдетства провела у вас на коленях!.. Ваши макеты были моими первыми игрушками... Не уезжайте, Саныч! Не уезжайте, родненький!

– Поздно пятиться, Верочка, – уже документы оформлены.

Заремба всё ещё стояла рядом с Арским. Он понял, что она ждёт какого-либо ответа и как можно помягче пояснил:

– Мне нравится ваш напор, но мне сейчас не до вас.

– Но я снова теряю год!

– А я теряю друга. – Повернулся к Вере. – А со мной уже не здороваются? – упрекнул он её.

Вера стала извиняться, мол, как узнала, что Саныч уезжает, совсем одурела. Потом спросила, с искренним удивлением:

– А как же вы без него останетесь?

– Причём тут я или ты? Он себе имение приобретает, на берегу моря. Саныч разозлился.

– Ладно, не выступай. Бежал себе, ну и беги!

– Хорошо, бегу, – послушно ответил Аркадий Сергеевич и побежал.

Заремба бросилась за ним, догнала.

– Стойте!

Арский остановился.

– Что вам ещё?

– Вы очень любите своего друга?

– Вам этого не понять – наша дружба вдвое старше вас.

– А если я вам помогу? Если уговорю его не уезжать?

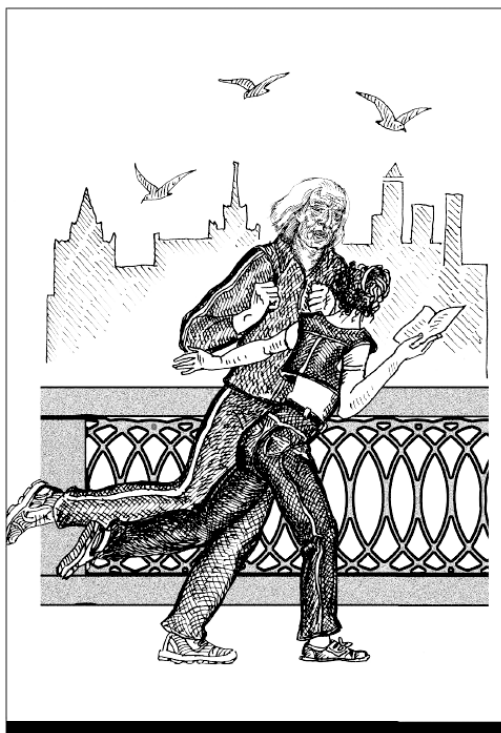
Сумею убедить?.. Вы допустите меня к экзаменам?

Арский грустно улыбнулся.

– Это не удалось мне, как это удастся вам? Но она продолжала наступление.

– Я применю свои актёрские способности, использую переодевание, розыгрыши, как в старинных водевилях. Я их много читала... Я справлюсь! Я сильная!..

Покачнулась. Он успел поддержать её.

– Что с вами?

– Это от страха, – объяснила она. – Знаете, как я тряслась, когда к вам шла. И вела себя так нахально, с перепугу.

Тронутый её искренностью, Арский по-доброму улыбнулся.

– Расскажите о себе. Кто вы? Чем занимаетесь? Откуда вы такая?

– Из зоопарка. Рабочая по уходу. За слоном ухаживаю. Я всегда в дом собак тащила, котят, белок. В кресло никто не садился – там ёжик жил. В ванне лягушки плавали, мама у соседей купалась. Но слон – это чудо. Я ещё ребёнком молила папу купить слона, он же умный, как директор школы: всё знает наперёд, я только лезу в карман за конфетой – он уже улыбается. А добрый, как дедушка: никого не обидит. Зоотехник говорит, что у меня талант, что я животных здорово понимаю. Но слона больше всех люблю. Принесу из дому шампунь и ему ноги мою, дальше не достаю, дальше из брандспойта...

...А Вера продолжала попытки удержать Саныча.

– Учтите, вы – моё последнее душевное пристанище, ваш отъезд ускорит моё решение.

– Ты это о чём?

– Я ухожу от Гиви.

– Перестань. Поссорились – помиритесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.